

СЛОВО МАТЕРИ

Евгения МИРОШНИЧЕНКО,

народная артистка СССР,
лауреат Государственных премий СССР
и УССР, солистка Киевского государственного
академического театра оперы и балета
имени Т. Г. Шевченко

Всякий раз, когда собираюсь о концертом в воинскую часть, волнуясь, словно все это происходит впервые. Казалось бы, давно пора привыкнуть выступать перед публикой, участвовать в ответственных концертах, спектаклях, да, собственно, любое выступление артиста ответственно. Но здесь, в солдатском клубе, это чувство овладевает тобой с особой силой.

Выходишь — и оказываешься как бы перед огромным воинским строем. В зале тишина, ни шепотка, ни шороха. Солдаты, офицеры ждут от тебя песни о любви к Родине, к отчужденному дому, к матери, ко всему тому, что берегут и охраняют они, за что готовы идти в бой, отдать, если потребуется, самое дорогое — жизнь свою.

Представишь себе это — и сама невольно подыгаешься, собираешься внутренне. Общение с людьми, живущими по строгим правилам воинской службы, дисциплинирует и тебя, настраивает на полную отдачу. Хочется петь для них как можно лучше.

Это, наверное, подтвердят все мои коллеги, кому хоть раз довелось выступать перед военной аудиторией: солдаты и офицеры ощущают искусство как-то особенно остро, непосредственно, чутко реагируя на, казалось бы, самые неувольнимые исполнительские нюансы. Удивительная это публика — воины!

Потому-то так волнуешься и

переживаешь: удастся ли увести столь строгих, взыскательных слушателей в эмоциональный мир песни, ее высоких чувств, светлой боли, нежности, тихой печали или звонкого, озорного задора? И какая же ни с чем не сравнимая радость переполняет душу, когда обветренные, суровые с виду лица преображаются, светятся хорошими, добрыми улыбками, когда воины награждают тебя щедрыми аплодисментами!

Напряжение миновало. Все получилось хорошо. Сняет огнями зал, в моих руках цветы... Стою на сцене — и вспоминаю пережитое. Тажкие годы военного лихолетья, свое голодное и холодное детство. Разрушенное, сожженное село наше на Харьковщине. Солдаты, освободившие его от фашистов, вызволив-

шие нас из плена. Я заглядываю каждому в лицо с одним и тем же вопросом: может, видели где отца моего, Семена Мирошниченко? Не видели? Как же так — не видели? Ведь он тоже на войне!.. И вновь ощущаю тепло шершавых солдатских рук. Они утерли мои сиротские слезы, обогрели, накормили меня, определили в ремесленное училище.

Когда началась Великая Отечественная, из нашего села ушли на фронт триста сорок человек. Больше половины их не вернулось обратно. Не вернулся и мой отец, три его брата, брат моей мамы. Отец был трактористом, потом шофером, а в войну — танкистом...

И вдвойне, втройне дорого слышать мне звонкие хлопки солдатских натруженных ладоней.

И кажется, вижу среди них лицо сына. Старшего моего, Игоря. Он тоже носит военную форму, учится в училище, готовится стать, как и дед, танкистом. Своим материнским сердцем мне хотелось бы направить сына другой, более спокойной, ухоженной дорогой, выставить ее розами. А тут — грозные боевые машины, грохот полигонных будней, постоянная готовность подняться по тревоге, прильнуть к прицелу... Но отговаривать Игоря не стала. Не стала — и горжусь его выбором. Потому, что помню, чего нам стоила война, и понимаю: сейчас, как никогда, нужно, чтобы на страже мира стояли самые надежные люди (а какая мать не видит в своем сыне самую верную, самую надежную опору?), нужны крепкие плечи, на которые Отечество наше могло бы возложить ответственность за неприкосновенность своих рубежей. А будет обеспечена их неприкосновенность — будут у нас прекрасные песни, будет большое, светлое искусство, радость человеческого общения. Все, что называется счастливой жизнью!

Будьте бдительны, дорогие наши воины. Берегите мир. Берегите счастье людей. В день праздника горячо желаю вам успехов в службе, радости в жизни, улыбок и песен. И пусть под ваши песни, как говорится в одной из них, спокойно дети спят. И пусть сон их будет сладок. И пусть так будет всегда!